

Юлия Лавряшина

Город, в котором живёт радуга...

// Знамя. 2008. № 3

Мой тополиный город неумолимо превращается в липовый... Старые, высоченные тополя, десятилетиями спасавшие легкие жителей загазованного города, стирают с лица Кемерова, пускают под пилы, заменяют теми собратями, которые ничем не раздражают, не исходят пухом. Пусть от них меньше пользы, но с ними удобнее. Весной их листья не источают аромата юности, от которого необъяснимо щемит сердце, зато они более опрятны. Маленькие, аккуратные деревья, не заставляющие задирать голову к небу. Ведь в Сибири липы не вырастают такими мощными, как, скажем, в Царицыне. Не те условия, не та почва питает корни. И низкорослые деревья цепляются друг за друга, кучкуются — таковы реалии выживания. Дружат против примкнувших с краю, чтобы не вытеснили с центральных позиций, потом, с той же одержимостью, — против вчерашних союзников. В нашем краю очень любят повторять слово “духовность”, в ходу выражение “духовное поле провинции”, придуманное поэтом Геннадием Юровым, но предпочитается умалчивать, какие мины подстерегают на этом поле... Наш писательский Союз — далеко не пушкинский, не “прекрасный”. Хотя многие искренне стараются сделать его таковым: выездные литературные праздники проводятся — например, летом в деревне Юго-Александровка или в Марьевке — на родине поэта Василия Федорова. И съезжаются туда одержимые поэзией люди со всего Кузбасса (не самой маленькой в России области!). Но вслушаешься — неумело рифмованные строчки звучат, и только-то... Однако вдруг — вспышкой! Читает нелепый с виду печник Виталий Крёков: “Наша бедность граничила с Богом”... Или хлещет стихами о России черноусый казак Александр Катков, у которого начинают лучиться глаза, когда он говорит о своей доченьке... **Или выбравшийся из своего Красного Ключа, всегда слегка пьяненький, потрясающе талантливый Валерий Ковшов... Светлый дождь проливается в души. Разноцветная радуга восходит коллективным нимбом. В такие моменты и впрямь — духовное поле расстилается.** Но сворачивается оно еще стремительнее. Поэт поэту... Бревно? Волк? Сегодня откровенный графоман Алексей Белогвардеец чуть ли не вылизывает пол перед председателем писательского союза Кузбасса Борисом Бурмистровым, чтобы стать членом... Завтра, все же принятый большинством голосов, сбросив маску, начинает хамить. Хорошо еще, документы не успели отправить в Москву на утверждение — исключили Белогвардейца еще быстрее, чем приняли. Кстати, главным его козырем при вступлении было то, что он свою самопальную книжку, в бересту облаченную, подарил самому Юрию Лужкову! И как только подобрался к московскому мэру? А уж читал ли ее Юрий Михайлович — не суть важно. Интересно, что именно в Кемерове, далеко не самом читающем городе, в первые годы перестройки случилось давно забытое действо — литературный суд. Не маскарадный, библиотечный, над книжными героями, а самый настоящий, в суде Центрального района проходивший. Так что страсти по всей Руси кипят нешуточные, не только в Москве... А дело было так: незадолго до того литературная студия “Притомье” решила дать бой графоманам, которые наводнили прилавки книжных магазинов и киоски своей продукцией, к слову сказать, прекрасно изданной, потому что находили пути выклянчить деньги у спонсоров. Мы, тогда еще молодые и наивные, пытались призвать щедрых богачей хотя бы советоваться с теми, кто разбирается в литературе, стоит ли поддерживать то или иное явление. На примере совершенно беспомощной рифмованной демагогии одной влиятельной дамы мы показывали, что есть плохо и почему.

Оформили материал в виде тезисов “круглого стола”, но редактор газеты “Кузнецкий край” Евгений Богданов (Царство ему Небесное!) предложил переделать это в статью. И поскольку я занималась литературным оформлением, статья под моей фамилией и вышла. А дама подала на меня и на газету в суд за причинение морального ущерба. Мол, на ее книжечки рецензии должны выходить только хвалебные. И все попытки доказать ей, что каждый публикующий книгу должен быть готов к тому, что не всем она придется по вкусу, ни к чему не привели. Десять миллионов с меня и двадцать с газеты. Тогда это были, конечно, не те миллионы, что сегодня, но все равно сумма гигантская. Однако вспоминается, главным образом, не это, а то единение, которое проявили все наши писатели, как на баррикаду явившиеся в суд, чтобы защищать меня. А ведь тогда они еще были поделены на два союза, не то чтобы противоборствующих, но и не особенно дружественных. Но вот наступление графомании всех всколыхнуло и поставило под одни знамена. Теперь уже и объединились снова, решив, что литературные интересы должны быть выше политических, и один, сильный журнал создали — “Огни Кузбасса”, который производит на москвичей, которым я его раздариваю, большое впечатление. Интересный, яркий, живой. Порой даже отмечают, что он получше некоторых столичных. А почему нет? Русская литература всегда проистекала из провинции, почти все лучшие писатели России рождением своим обязаны маленьким тополиным, сосновым, березовым городкам, деревушкам. Но столичный снобизм в отношении писателей из так называемой глубинки до сих пор неистребим. Я сама недавно принимала вполне искреннее сочувствие в свой адрес, что, мол, трудно же писать, живя не в Москве! Да чем же труднее-то?! Наоборот, в суете столичной жизни некогда остановиться и задуматься. Хочется везде успеть, все посмотреть, но нет времени взглянуться. Вот издаваться действительно практически невозможно. За Уралом издательства — наперечет. Даже новосибирская “Мангазея”, считавшаяся самой крупной в этом регионе, похоже, выдыхается. Не выдерживает конкуренции с Москвой, где сосредоточено 99% издательств. И мы, находящиеся вне столичной литературной тусовки, вообще — вдалеке от столицы, с трудом можем вызвать к себе интерес. Редактор одного из толстых журналов так и сказал мне: “Поймите, мне же гораздо легче отказать вам по телефону, чем человеку, который сидит передо мной и смотрит мне в глаза. И ходит каждую неделю... Даже если пишет он хуже”. Все эти прелести литературной жизни знакомы в любом уголке России, и москвичам тоже. Удивительно то, что сквозь все эти хитросплетения время от времени пробиваются мощные ростки. Настоящие писатели, способные настолько уйти в собственную глубину, чтобы слышать голос Бога, еще случаются. Хотя страшно сглазить, чтобы не измельчали, так и тянет постучать хотя бы по той же липе. Разглядеть эти ростки, помочь им, создать для них благоприятную почву и атмосферу — этому уже много лет посвящает талант и силы Сергей Лаврентьевич Донбай. Поэт. Учитель. Главный редактор журнала “Огни Кузбасса”. Ироничный и степенный, терпеливо сносящий нашествие графоманов и мгновенно находящий нужные слова на занятиях литературной студии “Притомье”, которую пестует уже не один десяток лет. Атмосфера литературных объединений всем знакома, не стоит и описывать. Но яркие строчки мелькают в памяти: “Жизнь моя, краткая проба пера” (Александр Катков), “Но зато, пока мы пили, все мы Моцартами были!” (Галина Золотаина), “Легкие трепещут в нас, на крылья бабочек похожие” (Александр Раевский), “Я по небу скитаться научилась...” (Светлана Куралова). Теперь все эти поэты с полным правом называются профессиональными, хотя и без красной корочки они писали ничуть не хуже. Как-то прозвучало: “Мы все — птенцы гнезда Донбая”. Это правда. Почти все чем-либо интересные поэты и прозаики Кузбасса моего поколения и даже старшего прошли через студию “Притомье”, где сами студийцы друг другу косточки перемалывали, но Донбай не позволял

забить до смерти, вытаскивал единственным верным и обнадеживающим словом. Зажигал тот самый свет в конце тоннеля, без которого разучишься видеть в кромешной тьме. В Донбае-поэте интеллектуальность и сосредоточенность в поиске главного, единственного, необходимого сочетаются с острым видением удивительных деталей и душевной незащищенностью. Четверостишье Сергея Донбая, которое студийцы могут декламировать хором:

И когда у врагов не останется злости,

И когда свою нежность друзья истребят,

Я пойму, что во мне отражаются звезды

И что птицы на мне, не пугаясь, сидят...

Ирония горчит, нарочитая простота этих строк цепляет за сердце. Профиль мудрого грека Донбая возникает в окне кемеровского Дома литераторов, как портретный слепок Гесиода, отсветом седых веков проливается на оживленный проспект. И прохожие невольно засматриваются на “живого поэта”... Помню, как сама проходила мимо этих окон с трепетом. Чтобы зайти внутрь со своими исписанными тетрадками — и речи быть не могло! Так и таилась бы, если б муж за руку не привел. Кемеровский Дом литераторов теперь не узнать — сделан евроремонт, появились компьютеры, портреты на стенах, новая мебель, большой мягкий диван полукругом в зале, на который зрители почему-то боятся садиться. Наверное, думают — для писателей, а те по привычке жмутся на стульчиках, не избалованы. Зал не пустует, проходят литературные вечера, занятия студии “Притомье”. Она, кстати, в Кемерове не единственная. Поэт Иосиф Куралов уже много лет руководит литературным объединением “Свой голос”, откуда вышло немало интересных литераторов. Не первый год существуют одноименные городской и областной конкурсы, в жюри которых и мне доводилось работать. Должна сказать, что теперь, став членом жюри Всероссийского конкурса “Одаренные дети”, с тоской вспоминаю тех кузбасских ребят, равных которым пока здесь не встретила. Яркие, дерзкие, запоминающиеся личности! Чем-то напоминающие самого Куралова и его стихи. Хотя, конечно, лауреатами становились не только “дети Иосифа”... При университете много лет существует не менее мощное объединение — мастерская “Аз”, где, соответственно, в роли Мастера выступает поэт Александр Ибрагимов. Много лет назад, когда я еще училась в школе, мне попал в руки один из первых сборников Ибрагимова “Пусть будет каждому любовь...”. Я была так очарована его поэзией, что отказывалась поверить, что этот поэт — мой земляк. Не могу сказать, что каждая книга Ибрагимова вызывала у меня такой же трепет, но это ведь процесс естественный: что-то совпадает с тобой полностью, что-то кажется нарочитым. Разные люди, разные пути. Но Кемерово может гордиться таким поэтом... Помня как когда-то я цепенела, если читал стихи ныне покойный Макс Уколов — король поэтов, победитель первого в Кемерове конкурса. Ушел молодым, только заявив о себе, корябнув по сердцу, запомнившись на всю жизнь... Теперь тоненький сборник Макса Уколова читает и перечитывает мой сын, которому семнадцать. Дмитрий Мурзин сейчас принимает у Донбая литературную студию, вскоре станет самым молодым из литературных наставников. Но уже — авторитетным. Выпускник Литинститута, автор поэтических сборников, в том числе и совсем нового, вышедшего в приложении к “Огням Кузбасса”, член редколлегии того же журнала. Многим Мурзин запомнился еще тем, что на сибирском фестивале молодых литераторов “Естественный

отбор”, проходившем в 2005 году в Кемерове, заняв первое место, уступил победу Андрею Пятаку, которому издание книги (приз победителю!) было нужнее, чем ему самому. У Дмитрия тогда уже были на счету вышедшие сборники, а Пятак о таком только мечтал. И Димка поступил как истинный друг и джентльмен. И Мурзин, и многие другие молодые литераторы впервые напечатались в журнале “После 12”, который долгие годы был самым популярным изданием среди студентов и старшеклассников. Его страницы предоставлялись не только начинающим поэтам и — реже — прозаикам, но и молодым фотографам, художникам. Наталья Останина, Алексей Петров, Наталья Мурзина и другие известные в Кемерове поэты стали популярны благодаря этому журналу. К сожалению, “После 12” не выдержало проверки временем и постепенно превратилось в гламурное издание, в котором, как говорят сами поэты, литературы не больше, чем в “Плейбое”. Тем радостнее, что журнал “Огни Кузбасса” только набирает обороты и известность. Уже и в номинациях на Букеровскую премию фигурировал, и внешне похорошел, и авторы становятся все интереснее. В том числе и студийцы. Недавно в Кемерове прошел фестиваль литературных объединений. Но приглашены на него были только те, что существуют официально. А ведь некоторые возникают в Кемерове и совершенно стихийно. Есть на окраине города, в самом старейшем Рудничном районе, который в народе называют “Радугой”, маленькая детская библиотека “Калейдоскоп”, заведует которой потрясающий человек Евгения Викторовна Роот. Между прочим, племянница великого Альфреда Шнитке... Но это к делу не относится. Интересно то, что Жене удалось так заразить детей своей бескорыстной любовью к литературе, что они и окончив школу не перестают приходить в эту чудесно, с фантазией и душой оформленную библиотеку, где у них образовалось что-то вроде дискуссионного клуба. Тех, кто говорит, что современные дети ничего не читают, хочется пригласить в полуразрушенное здание на окраине сибирского города, чтобы воочию убедились: и читают, и пишут! Уже студенты, по-прежнему бегут сюда, свой журнал издают, самодельные книги (и неплохие!) с помощью компьютеров выпускают, снимают свои фильмы... Из таких вот, почти подпольных организаций (некоторые родители даже подозревают их в сектантстве!) в разные времена произрастали настоящие писатели, как и положено большим деревьям, — из-под земли пробивающиеся. И кемеровские литературные студии уже приняли выходцев из районной библиотеки. Пришли новые... Желание творить и исповедоваться через книгу — неистребимо. И каждому поколению найдется что сказать. Они — находят. И дети, чьи произведения “Огни Кузбасса” публикуют в рубрике “Светлица”, тоже находят свои слова, свои образы, рассказывают свои истории. Случаются потрясающие открытия! Илья Дик, Маша Бессарабова, Катя Франк, Федя Щербаков, Оля Тугова... Многие потом перестают писать, но, надеюсь, остаются читателями. Эти заметки, понимаю, субъективны. Далеко не всех кемеровских авторов успела здесь назвать (в частности, Сергея Солоуха, Владимира Переводчикова, других). Но, надеюсь, это не последнее обращение “Знамени” к писателям моего города. В этом году Союзу писателей Кузбасса исполнилось сорок пять. Впервые наши литераторы получили от губернатора Амана Тулеева, который всегда помогал писателям, именные стипендии. Сорок пять — время зрелости. Хотя многих сорокалетних поэтов до сих пор называют “начинающими”... Если сейчас все только начинается, это не так уж и плохо: появились интересные прозаики и поэты, которых успели оценить на Уральском семинаре. Сразу троих кемеровчан по его итогам рекомендовали в Союз писателей: Татьяну Ильдемирову и Дмитрия Хоботнева (проза) и поэтессу Наталью Поляченкову. Книга Хоботнева уже готова к изданию, как и сборник стихов молодой поэтессы Ирины Тюниной. В “портфеле” — книга Алексея Петрова. Уже принят в Союз писателей талантливый прозаик Андрей Иванов, ставший членом редколлегии красноярского журнала

“День и Ночь”. Новая волна может смыть наносное, принести свежее, оживить замершее. В конце концов, полить липы, которые еще могут вырасти до небес...